

Леся Украинка

Заметки о новейшей польской литературе

Оригинал здесь: [Всё про Лесю Украинку.](#)

Под словами "польская литература" подразумевается обыкновенно польская беллетристика, и это не без основания: до сих пор в польской литературе беллетристика играет главную, руководящую роль. В силу особых условий жизни польские писатели издавна должны были себе усвоить или "язык богов", или эзоповский, если хотели, чтобы "имеющие уши" их слышали, поэтому поэтический памфлет и художественная полемика нигде не достигли такого совершенства, как именно в польской литературе.

Замечательный пример соединения самой высокой поэзии и самой страстной публицистики мы видим во всей литературной деятельности Мицкевича и его современников. Необычайное развитие и серьезное значение польской изящной литературы настолько поражает воображение польской критики, что ей очень трудно бывает отрешиться от дифирамбического, преувеличенного тона, особенно по отношению к романтическому периоду родной поэзии. Даже у такого серьезного и добросовестного критика-ученого, как г-н Хмелевский, оценка нередко превращается в славословие, которое у критиков-дилетантов положительно не имеет пределов. Так, например, в одном критическом очерке [*Wanda. Idea? u romantycznej poezji polskiej.* - Poznan, 1899] проводится мысль, что истерия человеческого духа знает только два чуда: древнегреческую классическую литературу и польскую романтическую поэзию. Греческая литература является чудом, так как она вполне самобытна, независима от каких бы то ни было посторонних влияний; польская романтическая поэзия, хотя далеко не так самобытна, но может быть названа чудом, потому что ее расцвет не только не соответствовал окружающим ее условиям жизни, но прямо противоречил им: эта поэзия расцвела вдруг, на развалинах классицизма, среди литературного застоя и всеобщей спячки. Едва ли надо еще опровергать суждение о безусловной независимости греческой литературы от посторонних влияний; что же касается второго "чуда", появления польской романтики на руинах классицизма, то тут именно вспоминается пословица немецких ученых: "В том-то и чудо, что на свете нет чуда". Везде в Европе романтизм вырос на руинах классицизма, везде он являлся протестом личности против инертной или угнетающей среды, везде, наконец, он носил ясно выраженный национальный характер при всех своих аспирациях к экзотизму и космополитизму. Польская романтика не составляла исключения.

Катастрофа 1861 г., поколебав идеалы, возвеличенные романтикой, нанесла ей страшный удар. С трудом оправившись от тяжелых и болезненных разочарований, польское общество заговорило о том, что пора освободиться от неограниченной власти поэзии, так как она не может служить надежным маяком, а скорее похожа на блуждающий огонь, сбивающий с пути и ведущий к гибели; что спасение не в мечтах, как бы ни были они возвышенны, а в "органическом труде" на пользу родной страны. Литература подхватила этот новый лозунг - "органический труд" (praca organiczna), и вот, вместо неограниченной власти поэзии, наступило неограниченное царство прозы: публицистика заняла более независимое положение, повесть и роман, до тех пор почти неизвестные в польской литературе, стаяв быстро развиваться. Вслед за Крашевским, работавшим и до [18]60-х гг., но в одиночестве почти абсолютном, стали появляться на поле польской изящной прозы все новые и новые силы. Место романтических героев, поэта, пророка, рыцаря, политического заговорщика, заняли новые герои, пионеры "органического труда" - инженер, механик, агроном, ученый, наконец, благотворительствующий миллионер и обожаемый крестьянами крупный землевладелец.

Беллетристика стала так же часто вторгаться в область науки, как прежде поэзия вторгалась в область публицистики. Писатели полемизировали многотомными романами и пятиактными драмами за или против Дарвина, О. Конта, Спенсера, "позитивизмом", "реализмом" или гордились, или бранились все писатели и их герои. Такое брожение умов и увлечение научными проблемами охватывало тогда всю Западную и Восточную Европу, но в Польше, благодаря особым условиям, оно выразилось совершенно оригинально: в то время как во всей Европе новое умственное движение вызывало движение политическое, склонность к новаторству, более или менее решительному, в Польше именно позитивисты и реалисты являлись противниками всяких "теорий катастроф" в политике; эти теории были гораздо более по сердцу ультрамонтанам и патриотам старого закала, зная не хотевшим Дарвина, Конта и Спенсера и упрекавшим "молодых" в подрывании патриотических традиций, в отречении от национальных идеалов. Борьба "отцов и детей" в польском обществе и литературе проявлялась именно в том, что отцы бранили детей за умеренность и аккуратность, а дети упрекали отцов в легкомыслии и расточительности своих собственных и народных сил. Только в среде австрийских поляков споры отцов и детей носили характер